

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**на диссертационное исследование Муратовой Риммы Талгатовны
«Башкирские цветообозначения: генетические истоки и структурно-
семантические особенности», представленное на соискание
ученой степени доктора филологических наук по специальности
5.9.5. – Русский язык. Языки народов России (филологические науки)**

Объёмная и содержательная диссертация Р.Т. Муратовой состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, Списка сокращений и Списка литературы. Отдельные результаты наглядно представлены в таблицах и графиках.

Исследование посвящено одной из активно разрабатываемых тем современной лексической семантики – особенностям языкового цветообозначения, в данном случае – в башкирском языке, и охватывает максимально широкий спектр колоративов, рассматриваемых в сравнительно-историческом и лексико-семантическом аспектах – в основном прилагательных различной этимологии и морфологического состава, а также отдельных производных существительных и глаголов.

Р.Т. Муратова детально знакома с сущностью цвета как физического явления, а также с содержанием, методикой и выводами значимых исследований об особенностях цветообозначений в языках как тюркской, так и других родственных и неродственных языковых групп, составивших теоретическую основу диссертации, и привлекает материал большого количества словарей. Для достижения поставленной цели исследования автор успешно сочетает различные методы анализа – сравнительно-исторический, лексико-семантический, корпусный и др. Несомненным достоинством работы с точки зрения ее объективности и актуальности является привлечение наряду с письменными памятниками, словарями и классическими трудами ведущих тюркологов также обширных корпусных материалов и баз данных по башкирскому языку.

В первой главе рассматриваются вопросы взаимосвязи между зрительным восприятием цветов и их языковой номинацией, изучением и классификацией цветообозначений в лингвистике и в тюркологии.

Вторая глава посвящена происхождению и семантическим особенностям непосредственно башкирских колоративов, распределённых по группам в соответствии с их принадлежностью к различным генетическим пластам — пратюркскому, общетюркскому, иноязычному (арабо-персидские и монгольские заимствования) и собственно башкирскому. Каждая лексема характеризуется с привлечением широкого спектра словарных материалов и специализированных исследований по единой схеме: описание цвета и эталонов (при наличии), фонетические соответствия башкирского наименования в других живых тюркских языках и памятниках, этимология лексемы, её пратюркская реконструкция, синонимы, значения и сочетаемость в башкирском языке, включая использование в топонимах, антропонимах и этнонимах.

В третьей главе диссертации башкирские лексемы с цветовым значением рассмотрены с точки зрения способов словообразования с выделением группы непроеводных цветообозначений, относящихся к различным генетическим пластам, групп и словообразовательных моделей производных колоративов со значением полной и неполной степени проявления признака, а также аналитических моделей цветообозначений на основе названий предметов-эталонов.

В четвёртой главе анализируются исторические изменения в исследуемой лексической группе с точки зрения её состава, сочетаемости и семантики лексем, их использования в тюркских памятниках разных периодов в прямом и вторичных значениях, а также случаи субстантивации прилагательных, способы выражения степени проявления признака и аналитические способы цветообозначения. Этот раздел отвечает задаче проследить расширение предметной сочетаемости цветообозначений в исторической перспективе. В отношении древнетюркских памятников прослеживается использование названий основных цветов в прямом и вторичных значениях, а также названий

мастей животных, прежде всего лошадей, проводятся отдельные сопоставления с современными тюркскими языками, включая башкирский. Полученные результаты наглядно представлены в форме таблицы № 12. В отношении среднетюркских памятников дополнительно рассматриваются термины и онимы с компонентами-цветообозначениями и одно заимствование. В рамках новотюркского периода анализируются произведения, написанные на тюрки Урала и Поволжья. В отношении колоративов приводятся зафиксированные фонетические варианты древних лексем, выделяются прилагательные, не встречающиеся в древних и средневековых памятниках, но присутствующие в современном башкирском языке, отмечается развитие семантики отдельных колоративов. Отдельный раздел исследования посвящён функционированию колоративов в башкирском устном народном творчестве, где наиболее отчётливо отражаются особенности культуры, быта и способа хозяйственной деятельности, в частности – коневодства, представления о стандартной цветовой характеристике объектов окружающей среды, артефактов и внешности человека, а также фиксируются сакральные, символические и магические свойства цветов. Национально-культурная специфика колоративов наглядно представлена в форме таблицы № 13. Интересные данные, касающиеся различных типов значений колоративов и их лексической сочетаемости в башкирском языке, выявлены автором на основе анализа корпусов и баз данных. Их представление в виде таблиц № 14, 15, 16 и диаграмм №4 и 5 облегчит их возможное применение в сопоставительных целях. Приводимая автором статистика использования близких по цветовому значению, но различных с этимологической точки зрения колоративов показывает, что их частотность и выбор определяются жанрово-стилистическими особенностями текстов.

Выводы по исследованию соответствуют положениям, вынесенным на защиту.

Список литературы содержит 563 наименования, в число которых входят статьи, монографии, диссертационные исследования, словари и электронные источники – корпуса и базы данных.

В целом диссертация Р.Т. Муратовой представляет собой законченное, продуманное, логично выстроенное и содержательное исследование, соответствующее актуальным направлениям современной тюркологии, выполненное с использованием новых технических возможностей и способное внести вклад в лексическую типологию.

В связи с диссертацией могут быть высказаны следующие замечания.

1. На с. 35 диссертации указано: «В цветовом символизме каждый цвет наделен особым смыслом и ассоциациями, например, красный – символ огня, страсти, силы; черный – горя, несчастий, страха; белый – счастья, удачи, мира; зеленый – молодости и т. д.». Это мнение психологов имеет в своей основе привычное лишь для отдельных культур восприятие цветов. Известно, что чёрный цвет иначе воспринимается представителями африканских культур, в которых имеет и отрицательную, и положительную коннотации, белый цвет у некоторых народов является траурным, в турецком языке прилагательное «зелёный» не имеет значения «молодой, неопытный» и т.д.

2. В диссертации в одном «списке» с колоративами с широкой или неограниченной лексической сочетаемостью рассматриваются наименования масти лошадей. Последние безусловно имеют цветовую составляющую, однако как правило наряду с ней содержат характеристику рисунка и окраски волосяного покрова на разных участках тела животных (например, «башк. *кола* (светло-рыжий с темным хвостом и с темной гривой)» – с. 35). Фактически их можно сравнить с такими общеизвестными определениями как *тигровый* (например, *принт, лилия*), *леопардовый* (например, *принт, геккон*), *зебровый* (например, *принт, паук*) и др. Два первых близки по цвету, но отличаются расположением цветowych пятен – «узором», последний близок в первом по расположению цветowych составляющих – «узора», но отличается по цвету. Наряду с ними в разных языках присутствуют специальные термины для

обозначения особенностей окраски и расположения цветowych пятен на теле лошадей, часто связанные с названием породы, однако их основная масса понятна лишь узким специалистам. Аналогичная ситуация может существовать в отношении других видов животных, например, овец, коров.

Соотнесенность одного наименования масти с разными окрасками лошадей в разных языках отмечена в диссертации: «В башкирском языке слово *бурта* обозначает караковую масть лошади. В тех или иных тюркских языках оно может обозначать иные масти: мухортую (в сиб.-тат.), белую (в уйг.), со смешанной шерстью (в кирг.)» (с. 244).

Очевидно, что для культур, тесно связанных с коневодством, такая терминология имела первостепенное значение и в них должна была присутствовать детализированная специальная терминология. Представляется, что для башкирского языка, как, возможно, и некоторых других тюркских, специфика заключается именно в переходе отдельных определений из группы лексем с узкой сочетаемостью (масти лошадей) в группу общих наименований цвета (как, например, *көрән* с. 236), что следовало бы особо подчеркнуть. В качестве критерия для отделения сугубо цветowych наименований от определений, включающих наряду с цветом также и характеристику «узора», можно попробовать использовать в качестве определяемого слова «цвет».

Представляется, что названия мастей должны рассматриваться в обособленном разделе исследования, тем более что значительное количество таких определений в настоящее время сохраняет очень ограниченную сочетаемость: *саптар* (с. 238), *бурыл* (с. 240), *бурта* (с. 242), *кир* (с. 245), *тарлан* (с. 246).

3. Хотелось бы привлечь внимание автора к культурологическому аспекту формирования системы цветообозначений, а именно, на недостаточно полно отражённые в исследовании причины смены наименований отдельных частей спектра и возникновения некоторых вторичных значений у отдельных колоративов. К таковым очевидно можно отнести распространение научных знаний о мире (научной картины мира), что влечёт за собой необходимость

закрепления специальных наименований спектральных цветов, изменение типов хозяйственной деятельности, использование новых красителей (башк. *хәнаүәт* 'оранжевый' от араб. «хна», с. 255), межъязыковое и межкультурное взаимодействие и др. В основе последней из перечисленных причин могут лежать разнообразные факторы: одним из распространённых путей образования цветообозначений является использование в их наименованиях названий городов, стран, народов (*парижский синий*, *берлинская лазурь*, тур. *çingene pembesi* 'малиновый', букв. 'цыганский розовый'), а в башкирском *шамәхә* 'фиолетовый', букв. 'шамаханский' (с. 253), видимо, отразилась специфическая ситуация «астионим → цветоименование», когда в языке «не нашлось» исконного колоратива для обозначения неподражаемого оттенка иноземной ткани. Отмечены ли подобные примеры для других языков?

Примерами заимствования вторичных значений колоративов очевидно являются красный (*Красная армия*) и белый (*Белая армия*, *белогвардеец*) цвета в ряде языков, что, однако, не отмечено автором в отношении башкирских колоративов *кызыл* (с. 107) и *ак* (с. 183), а на калькирование с русского указывается только в отношении прилагательных 'фиолетовый' (с. 393), 'апельсиновый' (с. 394, 395) и 'серый' (с. 98).

Заимствование вторичных значений цветовых обозначений, обусловленных культурным взаимодействием, может приводить к определённым противоречиям в языке-реципиенте. Так, в турецком отмечаются две контаминации: *beyaz ruslar* букв. 'белые русские' именуются как представители Белой армии, так и белорусы (*Beyaz Rusya* 'Белоруссия'), название *Kızıl meydan* 'Красная площадь' ассоциируется исключительно с коммунизмом. Не возникло ли подобных противоречий в башкирском языке и не является ли такая ситуация причиной наличия антонимичных значений отдельных цветообозначений, например у *кара*: «большой, обильный / народ, народная масса, толпа, люди» и «одинокий (о человеке)», поскольку переход «'масса' → 'человек' → 'одинокий (о человеке)'» (с.81) сомнителен?

Представляется, что отдельные вторичные значения некоторых других прилагательных также могут носить заимствованный характер, а не являются результатом независимого развития собственной семантики. В основе наблюдаемого в последнее время и необъяснимого другими причинами закрепления в башкирском и хакасском языках (на это указывает автор на с. 237) прилагательного *kərən* в отношении цвета глаз может лежать тенденция к наименованию цвета глаз словом, отличным от *коричневого*, под влиянием русского *карий*, к тому же фонетически созвучного тюркскому.

4. Вызывают сомнения отдельные предлагаемые автором семантические переходы, например, в «‘желтый, пожелтевший’ → ‘осенний’ → ‘сухой’» (с. 123) кажется лишним «осенний» (при этом про значение «осенний» речь идёт лишь ниже – на с. 125), в случае «‘седобородый / седоволосый’ → ‘пожилой’ → ‘мудрый’ → ‘старец’» (с. 174) представляется более логичным ‘седобородый / седовласый’ → ‘старец’ → ‘мудрый’. Сомнительна чрезмерная линейность предлагаемых семантических переходов, например «‘чистый’ → ‘невинный, безгрешный’ → ‘святой’ → ‘благородный’ → ‘добрый’» (с. 177) и некоторые другие.

5. «*Кызыл эт ашаһын* ‘букв. пусть съест красная собака (об имуществе скупого человека с презрением)’, *кызыл этәс* ‘пожар, букв. красный петух’ (с. 108) – не идёт ли речь об огне не только во втором случае, но и в первом – про собаку: «чтоб ему сгореть!»?

Представляется, что в п. 5.13 объединены примеры с совершенно разной коннотацией: пренебрежительность (‘красноротый’), нереальность (о снеге) и опасность (собака, петух).

6. В турецком языке присутствуют два омонима *kara* – тюркское цветообозначение ‘чёрный’, не имеющее значения ‘земля’, и арабское заимствование ‘суша’ (ар. *qārra*). Нельзя исключать, что цветовое значение тюркского *kara* сыграло определённую роль при заимствовании арабского слова, однако, вопреки указанному на с.85, в выражении «*karaya çıkmak* ‘ступить на землю, сойти на берег (с парохода)’» имеется в виду именно суша.

Все высказанные замечания носят уточняющий и дискуссионный характер и не влияют на общую высокую оценку работы.

Аннотация и публикации по теме исследования достаточно полно отражают содержание и основные положения диссертации.

Диссертационное исследование «Башкирские цветообозначения: генетические истоки и структурно-семантические особенности» полностью соответствует паспорту научных специальностей и требованиям пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в актуальной редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а его автор, Муратова Римма Талгатовна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук

(10.02.22. – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,

Африки, аборигенов Америки и Австралии (турецкий язык)),

старший преподаватель

кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки

Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования

«Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова»

2 сентября 2025 г.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 125009, Москва,

ул. Моховая, д.11, стр. 1, МГУ,

Институт стран Азии и Африки,

кафедра тюркской филологии

тел.: +7(495)629-43-49

e-mail: office@iaas.msu.ru

www.iaas.msu.ru

Наполюнова Елена Марковна

Подпись Е.М. Наполюновой
заведующей
кафедры
тюркской филологии
Института стран Азии и Африки

